

Д. В. Возчиков*

Путешествия Никколо Конти по Востоку и гуманистическая рецепция античногослоноведения

Купец Никколо Конти (ок. 1395–1469) из Венецианской республики свыше двадцати лет провел в торговых поездках по арабскому миру, Индии и Юго-Восточной Азии. Его рассказы об этих землях дошли до нас в изложении флорентийского гуманиста и папского секретаря Поджо Браччолини (1380–1459), включившего их в четвертую книгу трактата «О превратности судьбы» [6], а также в пересказе кастильского путешественника Перо Тафура [3].

Видное место и в отчете Никколо Конти папскому секретарю, и в беседах венецианца с Перо Тафуром занимает описание фауны Индии и Юго-Восточной Азии. Сведения о животных дальних стран, доставшиеся западному Средневековью в наследство от античной и библейской традиций и время от времени пополняемые путешественниками, становились неотъемлемой частью средневекового имажинарного – по определению Ж. Ле Гоффа, «системы снов общества, снов цивилизации, трансформирующей реальность во вдохновенные духовные видения» [2; 8]. Зоологический код – один из универсальных механизмов формирования картины мира у разных культур. Арабский путешественник Хв. ал-Масуди писал, что какую бы страну он ни посетил, всегда обнаруживал, что люди верили в существование чудовищных созданий в областях, настолько отдаленных от их собственных, насколько это возможно [5; 582]. Реально существующие экзотические животные внушали средневековому человеку удивление, ужас, восхищение и сложные символические ассоциации, воспринимались как часть области чудесного вместе с фантастическими зверями – драконами, единорогами и грифонами. Данный этюд – попытка представить образ слона в гуманистическом дискурсе XV в. на примере отчета Никколо Конти Поджо Браччолини.

После возвращения в Италию Конти прибыл в 1439 г. во Флоренцию, где находился папа Евгений IV (в миру – Габриэле Кон-

* **Дмитрий Викторович Возчиков** – аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета (Екатеринбург).

дульмер, сам венецианец по происхождению), чтобы получить прощение за отречение от христианской веры в Египте. По признанию самого Конти, он вынужден был принять ислам не столько из-за угрозы своей жизни, сколько из-за страха за жизнь жены и детей [6; 126]. В качестве искупления за вынужденное принятие ислама во владениях мамлюков Конти подробно рассказал о своих путешествиях папскому секретарю Поджо Браччолини. Браччолини пытался преподнести сведения Конти читателю как рассказ об удивительном и свидетельстве открытия заново стран, известных античной традиции, и именно в этом ключе отчет Конти, позднее включенный Браччолини в текст «О превратности судьбы», прошел литературную обработку.

Текст отчета можно условно разделить на две части: первая представляет собой, главным образом, маршрутное описание Южной, Юго-Восточной и отчасти Восточной Азии. Вторая часть отводится более детальному описанию хозяйства, уклада и обычаев жителей «Индий» в целом. Отсюда возникает и известная сложность: данные о разных странах – Виджаянагаре, Сиаме, Китае – оказываются нередко перемешаны во второй части отчета. Все земли, лежащие к востоку от Ирана, фигурируют у Конти под общим наименованием «Индия»: «Вся Индия разделена на три части: первая – от Персии до реки Инд, вторая – от Инда до Ганга, а третья – все, что далее [Третья часть – Д. В.] намного превосходит остальные в богатствах, человеческом достоинстве и роскоши, а по образу жизни и государственным обычаям равна нам» [6; 139]. Конти сообщает об учтивости и утонченности жителей «третьей части Индии» (Юго-Восточная Азия и Китай), о купцах, располагающих торговым флотом из сорока судов, и подчеркивает, что они «далеки от всякого варварства и дикости» [6; 139]. Примечательно, что шарообразность земли, очевидно, принималась как должное и Конти, и Браччолини. Путешественник рассказывал: «Индийцы плавают на кораблях, в основном ориентируясь по звездам другого полюса, так как они редко видят Большую Медведицу» [6; 143].

На примере отчета Конти как текста гуманистического круга можно проследить трансформацию сложившихся в античной и христианской традиции бестиарных образов под влиянием двух тенденций интеллектуальной жизни Европы XV в. и, в первую очередь, Италии. Это – приращение географического знания средневекового Запада и рецепция античного наследия гуманизмом. В нашем источнике первую из тенденций представляет рассказчик – Никколо Конти, вторую – Поджо Браччолини. Браччолини пытался включить сведения об Индии, предоставленные ему путешественником, в собственное мировоззрение ренессансного мыслителя. Большая

часть того, что Браччолини знал о культуре и природе Индии до встречи с Конти, базировалась на сведениях античных авторов. Рассказы Конти о фауне Индии и Юго-Восточной Азии содержали описания животных, известных античной и средневековой книжности, и тех существ, сведения о которых выглядели радикально новым для современников.

Подробнее других животных Южной и Юго-Восточной Азии Конти описал слона. В государствах Индии и Индокитая слоны были элитной частью войска, и именно на этой их роли сосредоточился рассказчик. Несмотря на то, что слоны широко распространены в Южной и Юго-Восточной Азии, в отчете Контиони получили конкретную локальную привязку. Путешественник сообщал: «Эта провинция [Индии – *Д. В.*], которую жители называют Мацин, изобилует слонами, а ее царь содержит десять тысяч слонов, которых использует на войне. На спинах у слонов закрепляются башенки (*prorupnascula*), с которых восемь или десять человек ведут бой дротиками, луками и тем, что мы называем баллистами» [6; 132]. Вероятно, Мацину Конти – это либосиамская держава Аютия, находившаяся во время его путешествий по Азии на подъеме могущества, либо бирманское царство Ава, одноименная столица которого упоминалась Конти как «город, наиболее роднейший из всех» [6; 132].

Венецианец описал башенки в бирманской или сиамской элфантирии, башенки на боевых слонах упоминаются также Афанасием Никитиным. Спустя почти полвека после путешествия Конти тверской купец зафиксировал широкое применение в этом роде войск у индийских государей огнестрельного оружия: «Слонам к голове и бивням привязывают большие кованые мечи, по кантару весом, да облачают слонов в доспехи булатные, да на слонах сделаны башенки, и в тех башенках по двенадцать человек в доспехах, да все с пушками, да со стрелами» [4; 47]. В другом месте «Хожения за три моря» приводится описание боевых слонов мусульманского государства Бахманидов в Южной Индии, правда, дана менее внушительная численность воинов на слонах: «И пошли с ним сто слонов в доспехах и с башенками, а на каждом слоне по четыре человека с пищалями» [4; 54–55]. Судя по рассказу Афанасия Никитина, точно так же были вооружены элфантирия главного соперника Бахманидов – индуистской империи Виджаянагар: «...Сорок слонов, в доспехи наряженных, и на них по четыре человека с пищалями» [4; 55].

Перед тем, как передать читателю подробное описание венецианцем добычи слонов для войска Мацина, Браччолини указал, что способ поимки этих животных совпадает с подобной практикой, описанной Плинием [6; 132]. По свидетельству Конти, охотники во

время брачного периода у слонов заманивали дикого самца с помощью прирученной самки в специальный загон, после чего самка удалялась из огороженного пространства, а ворота загона запирались [6; 132–133]. Вскоре появлялась тысяча человек с канатами, один из них вставал перед зверем, и, когда разъяренный слон бежал на него, двое других охотников набрасывали веревки с петлями на задние лапы слона, и вскоре зверь оказывался привязан к столбу. Затем загонщики «три или четыре дня изнуряют зверя голодом, давая ему лишь немного травы каждый день, а через пятнадцать дней освобождают усмирленного слона от пут». «Далее, – продолжает Конти, – его водят по городу связанным между двумя прирученными слонами и, когда через десять дней его освобождают, он теперь такой же ручной, как и остальные» [6; 133]. За описанием процесса приручения слона в Мачине следует рассказ о поимке слонов в других местах: несколько диких слонов-самцов заманивали в маленькую огороженную траншею с помощью самок, где их четыре дня держали в голоде, а потом уводили в специально устроенные места. Слонов приобретали для своих нужд цари. «Домашние слоны, – продолжал Конти, – питаются рисом и маслом, а лесные – ветвями деревьев и травами» [6; 133].

Плиний Старший зафиксировал несколько способов поимки слонов. Какой из них мог напомнить Браччолини описание Конти? В Индии, согласно «Естественной истории», погонщик на одомашненном слоне догонял дикого, отбившегося от стада, и хлестал его до изнеможения, после чего перебирался ему на спину и погонял, как предыдущего, а в Африке слонов захватывали с помощью ям-ловушек [Plin. NatHist. VIII. 24]. «Раньше, – продолжал Плиний, – чтобы приручить слонов, цари конницей сгоняли их в рукотворную траншею, протяженность которой вводила их в заблуждение, и усмиряли зверей, запертых между склоном и рвом, голодом. Если слон кротко принимал от человека ветку, это было знаком его прирученности» [Plin. NatHist. VIII. 25]. По-видимому, рассказ Конти о заманивании слонов в траншею (*convallis*) вызвал ассоциацию гуманиста с третьим способом приручения слонов из приведенных Плинием. Однако метод поимки диких самцов с помощью самок, аналогичный тем, которые описал Конти, приводится у другого античного автора – грека Арриана. Арриан писал, что индийские охотники посредством трех-четырех «наиболее ручных» самок заманивают диких самцов в специальное ограждение, окруженное рвом. После этого они убирают мост через ров и ждут, пока слоны не ослабеют от голода, а затем на ручных слонах входят в заграждение и бьют диких, пока те не упадут, и уже «сами садятся на лежащих» [Арриан. Индия. 13; 1–13].

«Крупнейшее [из сухопутных животных – *Д. В.*] и наиболее близкое человеку по чувствам – слон» [Plin. Nat. Hist. VIII. 1], – писал Плиний. Плиний считал слона умнейшим из животных. Слоны, по Плинию, – честные, проникательные и справедливые существа, они понимают язык своей родины, повинуются приказам, способны к обучению, жаждут любви и почестей и имеют даже религию в форме почитания светил, Солнца и Луны [Plin. Nat. Hist. VIII. 1]. У Конти слон также предстает как умное и верное животное: «Это животное настолько умно, что в бою часто подставляет подошвы своих ног под вражеские дротики, чтобы защитить седоков» [6; 133]. Погонщики управляли животными при помощи загнутого железного крюка. Царь Мадина ездил на белом слоне, шею которого украшала длинная золотая цепь с драгоценными камнями.

Излагая рассказ венецианца о слонах, папский секретарь старался соотнести сведения рассказчика с данными Плиния об этих животных, мало известных средневековой книжности, но подробно описанных античной традицией. В бестиарии Конти–Браччолини рассказ о превращении дикого слона в ручного напоминает своеобразную инициацию – переход от дикости к культуре. Вероятно, это описание следует воспринимать в символическом ключе, исходя из главной оппозиции всего текста отчета Конти – противопоставления рафинированной городской культуры Виджаянагара, Авы и Китая варварству отсталых племен.

Литература

1. Арриан. Индия // Вестник древней истории. – 1940. – № 2. – С. 230–263.
2. Ле Гофф, Ж. Герои и чудеса Средних веков. – М. : Текст, 2011. – 222 с.
3. Тафур П. Странствия и путешествия. – М. : Индрик, 2006. – 296 с.
4. Хожение за три моря Афанасия Никитина. – Л. : Наука, 1986. – 231 с.
5. Юрченко А. Г. Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография. – СПб. : Евразия, 2007. – 864 с.
6. Bracciolini, P. *Historia de varietate fortunae libri quatuor*. – Paris, 1723.
7. Pliny the Elder. *Natural History*. – L., 1967. – Vol. 3. – Libri VIII–XI.